

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.034

Аутопозис разумного времени

Шелестюк Елена Владимировна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Челябинский государственный университет,
454001, Российская Федерация, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: shelestiuk@yandex.ru

Шкарин Дмитрий Леонидович

Методолог,
Центр развития тренинговых технологий,
620142, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Большакова, 61;
e-mail: shkarindmit@yandex.ru

Аннотация

В статье поднимается дискуссионный вопрос о возможностях формирования целостной концепции современного человека вне рамок проекта общечеловеческого субъекта, построенного в логике европейской рациональности. Намечены возможные направления поиска оснований для решения данного вопроса. В качестве отправной точки использован авторский подход Е. Д. Лучезарновой, ориентированный на управляемое эволюционное развитие человечества за счет овладения законами времени. Показана специфика субстанционального прочтения категорий разума и времени, отличного от устоявшегося канона, восходящего к античным корням. В результате кардинального изменения взгляда на онтологические основания эволюции человека, Е.Д. Лучезарнова разрабатывает комплексный метод саморазвития, находящий себе применение в различных сферах социальной практики: педагогике, лингвистике, психологии, медицине, бизнесе и т.д. В статье эксплицированы методологические следствия, вытекающие из данной концепции, спроецированные на три ракурса: социоцентрический, антропоцентрический и экзистенциальный. Показано, каким образом ритмология преодолевает теоретические ограничения, связанные с устоявшимся проектом общечеловеческого субъекта. В завершении высказано предположение, что широкая реализация метода могла бы ответить на острые вызовы, стоящие перед современным обществом в условиях его системной трансформации.

Для цитирования в научных исследованиях

Шелестюк Е.В., Шкарин Д.Л. Аутопозис разумного времени // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 1А. С. 77-86. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.034

Ключевые слова

Человек, третий модерн, современность, субстанциональное время, эволюция человека.

Введение

Один из парадоксальных феноменов, которым характеризуется начало 21 века, является отсутствие в социокультурном пространстве внятно артикулированной целостной концепции человека, что колоссально контрастирует с уровнем развития его технологических достижений, буквально стянувших весь мир в единое динамическое пространство. В отечественной социальной философии эта проблема получила подробное освещение и проанализирована во множественных аспектах: экономическом, социальном, культурном, геополитическом и т.п. В частности, группа исследователей (В.А. Колпаков, В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова) заострила внимание на том обстоятельстве, что с начала третьего тысячелетия мир перешел в фазу третьего модерна, характеризующуюся в культурно-антропологическом смысле отказом от универсализации западноевропейской модели социального субъекта, отражающей общую логику модернизации западных обществ. Тем более, что венцом этой логики стала деконструкция представлений о субъекте, проведенная в самих же западноевропейских постмодернистских дискурсах последней трети двадцатого века, а реальным ее воплощением явился современный атомизированный, фрагментарный индивид, фактически лишенный субъектного начала под прессингом трансформационных технологий постиндустриального общества. Поиск же альтернативных социокультурных проектов человека, построенных на иных основаниях, нежели основания западноевропейской цивилизации, существенно усилился под напором непрекращающегося системного кризиса, включающего экономические, геополитические и социо-гуманитарные катастрофы.

Основное содержание

Обобщая, можно выделить несколько направлений данного поиска: от проектирования нового типа универсального человеческого разума (А.А. Пелипенко) до концепций «мультикультурального всеединства» как синхронной реализации в едином мировом пространстве нескольких культурно-исторических типов: «китайский», «исламский», «евразийский» и т.д. проекты, каждому из которых соответствует свой образ человека (Ф. Жюльен, Э. Саид, А.В. Смирнов). Концептуально близки этой линии и традиционалистские подходы, реконструирующие антропологические типы на фундаменте прошлых традиций (П. Адо, О.И. Генисаретский, А.Г. Дугин, С.С. Хоружий). Указанные подходы подразумевают предзаданность и преемственность культурных и этнических кодов, разворачиваемых в процессе исторического развития конкретных общностей. В то же время совершенно неочевидно, что дальнейшая эволюция человека будет определяться на основе генетической (в социальном смысле) преемственности того или иного культурного кода.

Один из вариантов переформулировки этого вопроса мог бы звучать так: существует ли общечеловеческий базис, подлежащий всему разнообразию культурно-исторических напластований, или эволюция человечества предстает как ризоматическая сеть разнородных образований, не нуждающаяся в привязке к конкретным культурным основаниям (техногуманизм, постгуманизм, трансгуманизм и т.д.)? При выборе первого варианта мы автоматически упираемся в трудность обоснования единой родовой сущности человека, о чем свидетельствует и факты внутренней самокритики проекта нового времени (постмодерн). При выборе второго варианта, мы сталкиваемся с проблемами оценки проектов, поскольку сама методология экспликации предполагает следование особенным предпосылкам как всеобщим.

На этом фоне нам представляется актуальным анализ оснований синтетической версии эволюции человека, развиваемой в рамках ритмологической концепции Е. Д. Лучезарновой. Целью данной статьи является демонстрация возможности универсального проекта человека в рамках модели многомерного разума.

Ключевой особенностью данной концепции является постулирование принципиальной значимости фактора освоения времени. Соответственно, в рамках этой трактовки историческая эволюция человека понимается как последовательное овладение измерениями пространства, энергии, информации и времени. Современная фаза развития цивилизации предстает как достижение человечеством относительных пределов пространственного (глобализация и освоение космоса), энергетического (овладение ядерными энергиями) и информационного освоения мира (единая коммуникационная сеть на основе цифровых технологий). При этом прогресс в освоении координат времени оказывается наиболее проблематичным и даже отрицательным, если говорить о ситуации текущего дня. И на это есть определенные причины, корнящиеся как раз в культурно-исторических доминантах современного мира, поскольку освоение времени подразумевает, прежде всего, *разумное усвоение временных измерений*, что не имеет отношения к технологиям хронометража физического времени и управлению темпоральной организацией сложных процессов. Зафиксируем на феноменальном и теоретических уровнях некоторые симптомы неблагополучия в процессах освоения времени. Александр Зиновьев в одной из своих последних работ (Фактор понимания, 2006), подводя итоги развития человечества, связал кризисное состояние цивилизации с постепенной утратой социального времени: «Есть ли будущее у человечества. Физическое – да. Социальное же сокращается и, возможно, исчезнет совсем. Человечество будет жить не в социальном, а лишь в физическом времени. Смысл жизни просто пропадет как нечто излишнее. Опосредованность событий их осмысленностью резко сократится. Произойдет почти полная технизация жизни. Будут жить здоровые, долго и бездумно живущие существа, однообразно автоматизированные. Человечество выродится именно на основе своих баснословных достижений. Всему есть предел» [Зиновьев, 2006, 516]. И далее А.А. Зиновьев перечисляет основные причины стирания граней между социальным и физическим временем: 1) усиление расчетов физического времени; 2) сокращение расчетов социального времени; 3) сокращение расчетов времени в физическом будущем; 4) дезориентация людей во времени; 5) временной хаос; 6) изменение функций временных операций; 7) совершение поступков без обдумываний, почти одновременно с намерениями, зачастую – автоматически; 8) доминирование механических операций, не требующих интеллекта; 9) ускорение действий во времени; 10) фальсификация событий, обесмысливающая аспект будущего в целом; 11) устремленность в рутину физического времени; 12) невозможность хотя бы частичного обособления в физическом времени; 13) безразличие ко времени; 14) совокупный результат (с. 516). Мы намеренно воспроизвели столь длинный список разнородных причин, чтобы подчеркнуть сквозной тотализирующий характер данной проблематики, пронизывающей совершенно различные аспекты действительности. «Футурошок», «Текущая современность», «Тирания момента», «Сокращенное пребывание в настоящем» - сами названия популярных монографий современных социальных теоретиков красноречиво свидетельствуют о высокой заряженности темы в контексте современности. Но какое отношение имеет данная проблематика непосредственно к универсальной сущности человека? В теории Е.Д. Лучезарновой именно время является ключом к расшифровке эволюции человека, поскольку возможность непосредственного овладения координатами времени и составляет сущность человеческого разума в его качественном отличии от всех

прочих биологических видов планеты. Конечно, в первом приближении здесь высказана, казалось бы, тривиальная для европейской традиции мысль, поскольку дихотомия времени и пространства является сквозным основанием для различения человеческого разума во всей западноевропейской философии нового времени. И в то же время интуиции Е.Д. Лучезарновой не имеют прямого отношения ни к картезианской мыслящей субстанции, ни к априорным формам чувственности в философии трансцендентального субъекта, ни к бытийным основаниям экзистенции в философиях жизни. Иными словами, речь идет не о темпоральных основаниях рациональности, к тому же постоянно проблематизируемых в самих же рациональных дискурсах, но о прямом доступе к субстанциональному времени за счет особых психотехнических или, точнее, трансформативных практик. В этом месте нам необходимо сделать два важных уточнения, помогающих глубже ухватить специфичность ритмологического подхода.

Первое уточнение касается особенности понимания разумной формы, поскольку разум в данной концепции трактуется иначе, чем просто рациональность, сведенная к способности совершать и обосновывать логико-познавательные операции. Рассмотрим этот момент подробнее. Е.Д. Лучезарнова постулирует привычное для картезианской философии положение: «Человек состоит из двух субстанций. Субстанции разума и субстанции тела, или материи» [Марченко, 2008, 10]. Здесь мы, казалось бы, ни на шаг не отклоняемся от классической формулы Декарта. Но, несмотря на традиционную форму, привычные интуиции понимания мыслящей субстанции как *cogito*, мыслительного процесса или идеальной предметности в данном случае не срабатывают. Ни идеальное содержание мышления, ни когнитивные процессы не составляют суть разума. Напротив, они его затемняют, замыкая на инерционное рециклирование. В текстах Е.Д. Лучезарновой постоянно проводится мысль о принципиальной *пустотности* разума, т.е. субстанция разума – пустота, и именно пустотная природа разума позволяет ему осуществлять свою полноценную эволюцию, перемещаясь сквозь планы бытия и вмещая в себя все его многомерные иерархии. Таким образом, чем более пустоты наработано разумом, тем ему легче взаимодействовать с качественным многообразием иных форм разума и улавливать преобразованные субстанции времени.

Второе уточнение касается как раз понимания категории субстанции времени, поскольку, как и в случае с субстанцией разума, здесь не срабатывают привычные для западноевропейского мышления установки темпорального восприятия. Основаны эти установки на ментальном симультивании или опространствлении дискретных рядов, пусть даже в форме растяжения непрерывной длительности. И, хотя все эти интуиции многократно отрефлексированы, начиная с детальнейших анализов зеноновских апорий движения, они до сих пор, - иногда в завуалированных формах (например, в логике А. Бергсона), - сохраняют свою силу, поскольку ориентированы на репрезентацию нерепрезентируемого. Для Е.Д. Лучезарновой субстанциональность времени как раз и означает его принципиальную несводимость к пространству, энергии и информации. Время задает процессы, но не выводится из них: «Время приводит к изменению всё существующее. Событие существует при наличии в нем времени. Время фиксирует начало и конец события, то есть длительность существования. Время, вошедшее или, точнее, готовящееся войти в событие, становится корпускулярным. Процессы, заданные временем, непрерывны. Количество времени, выделенное на существование данной Вселенной, системы, жизни, локально постоянно. Перетекая, перемещаясь, меняя параметры скорости, пустотности, плотности, время меняет окружающую действительность незаметно для постоянного наблюдателя» [Лучезарнова, 2015, 41]. Приведенная цитата свидетельствует о том,

что время в ритмологической концепции является принципиально скрытой от наблюдения переменной, проявляющейся лишь в своих следствиях, что позволяет говорить о своеобразном параллелизме материи-времени подобном дихотомии материи-разума. И действительно, проявленной световой вселенной соположена непроявленная лучевая вселенная, характеризующаяся нелокальной мгновенной связностью и отсутствием пространственной протяженности. Естественно, возникают вопросы о характере связи разума и времени, времени и материи, поскольку при отсутствии ответов на эти вопросы мы просто имеем дополнительный параметр, фантомно утяжеляющий и без того запутанные отношения человека и мира. В характерной для себя манере Е.Д. Лучезарнова дает ответ на эту связку в форме метафоры:

«Предо мной пустой стакан. Я могу его заполнить любой жидкостью. У меня ощущение всеильности перед пустотой стакана, если есть наполнитель. Ощущения бессилия, если нет наполнителя.

Предо мной полный стакан. Я могу его опустошить. У меня ощущение всеильности только перед содержимым стакана. Перед самым стаканом я бессилён, поскольку он полон.

Время фиксируется разумом. Разум способен себя изменять наперекор времени. Всё, живущее внутри времени, ему подчиняется безоговорочно. Время как разумная субстанция, активная субстанция входит в окружающий мир через разум – по человеческим скрижалям» [Лучезарнова, 2015, 42].

Таким образом, мы видим, что цель ритмологического проекта связана с освобождением разума из под жесткого диктата времени за счет практик самоизменения и развития духовной дисциплины. Конкретно же это выражается в техниках выстраивания процессуальных коридоров внутри жестких причинно-следственных связей. На наш взгляд, именно практический аспект наращивания смысловой автономии разума и активный поиск живого взаимодействия с непроявленными аспектами сущего вне метафизических репрезентаций и формально-логических построений позволяет говорить о ритмологии как о попытке радикального преодоления ограничений западноевропейской рациональности, балансирующей на грани постгуманистического срыва к автоматизации человека.

После этих уточнений можем последовательно обозначить базовые отличия проекта ритмологии в сопоставлении с актуальными концепциями человека в современном социокультурном дискурсе. Для этого мы введем три ракурса анализа: *социоцентрического*, *антропоцентрического* и *экзистенциального*.

В *социоцентрическом* ракурсе человек понимается как детерминированное социокультурными структурами образование. Согласно социоцентрической установке механизмы социализации, интериоризации и адаптации оформляют внутреннюю структуру индивида в процессе воспроизводства системных процессов. В то же время, поскольку системы предполагают сложную социальную стратификацию и множественные структуры разделения труда, на выходе мы получаем многообразие ролевых идентификаций и социальных характеров. Социальная детерминация, естественно, носит относительный характер и сопровождается многообразными коллизиями, связанными с рассогласованиями темпоральных режимов (срок жизни, период социализации, скорость адаптации к изменениям и т.п.) человеческой жизни и больших систем.

В этой связи ритмологическая концепция за счет углубленной разработки категории времени дает оригинальное теоретическое и практическое решение описанных коллизий. Качественные характеристики времени (общее и личное, календарное и абсолютное и т.д.) становятся контролируемыми параметрами при выстраивании личной и общей траектории

жизненного пути. Тем самым человек обретает установку на достижение все больших степеней свободы и творческой самореализации в условиях разных этносов и социо-культурных режимов: «Человеческий разум содержит все характеристики, как в черном квадрате, матрицы человека. Матрица разума не разбрасывается на всех рожденных людей, а присутствует внутри каждого человека. В противоположность матрицы Земли, которая разбрасывается на все тела живущие, и каждому телу достается один из матричных фрагментов. Человеческий же разум в целом входит в мозг человека и обладает всеми присущими ему характеристиками» [Лучезарнова, 2015, 70]. Соответственно, сама разверстка разума за счет контроля параметров общего и личного времени превращается в самостоятельную духовную практику: «Сколько бы ни воспитывали честность по отношению к одной идеологии, скрытое внутри требует выхода наружу, и честность другой идеологии замещает предыдущую, ставя ее в состояние неправды, наигранности, лживости и тому подобных характеристик. Хотя на самом деле в человеческом разуме все категории существуют всегда. Важно, что из тебя сейчас вытаскивает общее время, что ты желаешь сам внутри себя показать как личность, насколько твоя личность способна загустить время внутри себя и выбросить в общий поток времени. Если ты создашь определенный остров-плотину и сумеешь перекрыть поток общего времени, твоя идеология будет признанной и ведущей до той поры, пока твой остров не рассосется. Поток снова отправится в нужном ему русле» [Лучезарнова, 2015, 73].

По данному фрагменту мы видим, что ритмологический подход резко контрастирует с инструментальным подходом, культивируемом в тех идеологиях (технократизм, функционализм, трансгуманизм), где адаптивная способность человека и его приспособление к маховику системного воспроизводства считается достаточным пределом реализации человеческой сущности. И в этом контексте показателен следующий теоретический сдвиг, наблюдаемый в современном социокультурном дискурсе: если постмодерн подпитывался пафосом критики социальной детерминации в пользу политики различия, то уже множественные течения под зонтичным брендом пост-постмодерна (обстоятельный обзор которых приводится в исследовании А.В. Павлова [Павлов, 2019]) начинают демонстрировать общий упадок пафоса политики различия, обнажая феномены выхолощенной унификации, дегуманизации и обезличивания человека в условиях постиндустриального общества позднего капитализма.

Второй ракурс *антропоцентричности* тесно связан с предыдущим, поскольку затрагивает вопрос внутренних антропологических границ человека, а, стало быть, и возможности их расширения за рамками социальной и природной предопределенности. Традиционно здесь рассматривается концепт открытой универсальной общечеловеческой сущности, специфицирующейся в относительно замкнутых формах идентичности локальных сообществ, объединенных этническими, социо-культурными, гендерными и классовыми особенностями. Дальнейшее развитие человеческого потенциала обусловлено постепенным расширением границ возможностей на основе усвоения транслируемого традицией опыта и опыления опытом иных традиций. Источники же нового опыта связываются с творческим потенциалом человека, способного к экспериментальному расширению форм поведения. При этом факт культурной обусловленности человеческого разума является не только опорой, но и ограничителем сознательной эволюции разума: наследование предполагает воспроизводство, в том числе, контингентных возможностей человека как необходимых, тем самым сужая горизонт и выбор траектории движения. В этом плане позиция Е.Д. Лучезарновой обладает определенным потенциалом революционности, поскольку размыкает границы разума (или

Разума) за пределы границ человека, развивая тем самым тему неисчерпаемости возможностей бытия: «разум, который я позиционирую, он зачеловеческий, он надчеловеческий, он подчеловеческий, он просто большей мерности, нежели разум человеческий. Разум человеческий очень прост в исполнении» [Лучезарнова, 2015, 37]. В другом месте, обсуждая возможности освоения языков субстанционального времени, Е.Д. Лучезарнова проговаривает мотивацию на трансгрессию границ человеческого разума еще более отчетливо:

«С разными разумами жить всегда намного интереснее. Но поначалу рекомендую открыть самый первый разум – человеческий, затем – планетарный разум, мужской разум, женский разум, телесный разум, именной разум, звездный и солнечный. И когда все разумы будут открыты, оказывается, время будет экономиться очень сильно и успевать вы будете в этой жизни огромное количество всего, что вы и намеревались успеть, когда шагнули на эту планету» [Лучезарнова, 2013, 25]. После этого фрагмента возникает вполне закономерный вопрос об онтологическом статусе подобного опыта. И найти ответ на этот вопрос, оставаясь в рамках доминирующей модели западноевропейской рациональности, невозможно. Именно сферы разума и сознания оказались слепым пятном нововременного проекта рациональности, обнажив тем самым слабость экстравертированной практической установки, проявленной в позитивизме, эмпиризме и даже рационализме, питающемся логическим формализмом. А надделение внутреннего опыта статусом иррационального, не позволяет даже приступить к осознанному освоению координаты времени. На наш взгляд, научно-рациональном сознании современного общества до сих царствует «естественная антропологическая установка» на логическую герметичность возможного опыта, которую подспудно и оспаривал Маркс в своей трактовке универсального развития как : «абсолютного выявления творческих дарования человека без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу» [Маркс, 1990, 476]. Ведь дело не в том, является ли содержательная схема истинной или универсальной, а в том, что запускается или нет процесс самотрансформации разума в направлении все большей свободы действия безотносительно масштабов, предзаданных традицией или стереотипами господствующих идеологий.

И, наконец, третий ракурс, *экзистенциальный*. Естественно, что эволюционные задачи реализации человеческой сущности мало волнуют конкретного человека в контексте его повседневной жизни. Горизонт жизненного мира заполнен потоками текущих событий, а возможности влияния на системные процессы в силу их масштабности и дифференциальной сложности снижены как никогда в истории человечества. Именно поэтому одна из распространенных номинаций современного общества – общество риска. А это означает, что принимать решения приходится в постоянно изменяющемся и неопределенном контексте. И вследствие нарастания системного кризиса контекст становится все более отчужденным и агрессивным. Если анализировать распространенные на сегодняшний день социальные теории, нетрудно зафиксировать смесь настроений апокалиптичности, безысходности и экзистенциальной истощенности самого гуманистического проекта. В этом плане очень показательны популярные наблюдения Марка Фишера о массовом распространении депрессии как знаковым переживании современной эпохи. Интересно, что даже сами формы депрессии начинают трансформироваться, принимая причудливые очертания, например, в виде «депрессивной гедонии»:

«Обычная депрессия характеризуется как состояние ангедонии, однако то расстройство, которое я имею в виду, определяется не неспособностью получать удовольствие, а как раз

неспособностью выполнять что-либо *помимо* поиска удовольствия. Появляется чувство, что «чего-то не хватает», но нет понимания того, что к этому таинственному наслаждению можно прийти, только если выйти *по ту сторону* принципа удовольствия» [Фишер, 2010, 48].

Рефлексируя над причинами данных синдромов, Фишер обращается к теоретическим наработкам Ф. Джеймисона в анализе культурной логики позднего капитализма, а именно о связи феноменов смерть субъекта и растворение темпоральности. На экзистенциальном уровне, по Джеймисону, современность окончательно утратила чувство времени, как связующую ось прошлого, будущего и настоящего, в результате чего произошла *трансформация реальности в образы и фрагментация времени в серию повторяющихся настоящих*. Пространство, потерявшее время, это и есть тирания момента, обесмысливающая настоящее как таковое. И именно поэтому сегодня особенно остро востребованы конструктивные способы осмысления событийных потоков, позволяющие ориентировать индивидуальное сознание в сторону достижения большей целостности, свободы и осмысленности.

В концепция ритмологии ответом на этот вызов является разработка способов удержания человека в многомерности времени, выводящей сознание из трехмерности пространства, двумерности информации и одномерности энергии. Е.Д. Лучезарнова дает следующее метафорическое описание экзистенциального опыта обитателей разных мерностей опыта:

«Еще, вы должны понять, что в этом пространстве, если кто-то вошёл в кубизм, он никогда других не будет поднимать до состояния кубизма, он всегда их будет удерживать в стереотипах до последнего. А все стереотипчики будут удерживать путников. Все путники будут удерживать «камни» и «кирпичи». Это и есть обычная пространственная иерархия.

А когда вы во времени, вам дела нет до иерархии. У вас есть языки, вы в любой момент берете Хладастею¹ - и оказались среди путников, и все путники на вас смотрят, как на волшебника. А вы и есть волшебник среди путников, потому что у вас гораздо больше зон свободы: создали цикл и идете по всему пространству. И стереотипчики, и кубисты так же на вас будут реагировать, потому что вы уже во времени. А время стоит над этим всем. Почему нужна пустота? Потому что время очень легко всех собирает и всегда улучшает» [Лучезарнова, 2015, 85].

В этой метафоре отражена важная идея, многократно разворачиваемая в различных ритмологических контекстах: увеличение степеней свобод человека шаг за шагом выводит его из ситуации отчуждения, конфликтности и конкуренции. В результате время, поступающее в информацию, делает ее бесконфликтной, как и время, поступающее в энергию, порождает безъядерные энергии. Соответственно, растворяются и поводы для агрессий, депрессий и прочих «ментальных токсинов». В качестве идеала вырабатывается экологичная установка социокультурного развития на беспрепятственное прохождение сквозь религиозные, этнические, гендерные, классовые и политические противоречия.

Заключение

Целью данной работы была необходимость показать возможности построения программы целостного развития человека на основаниях, отсутствующих в *общечеловеческом проекте* европейского субъекта. Логика модернизации, предполагающая овладение внешними

---

¹ Хладастеи – в ритмологии состав алфавитов языков времени, перераспределяющих субстанцию времени внутри световой вселенной

ресурсами за счет учета объектных закономерностей и технологического подчинения природы, оставила в тени сферу овладения собственным разумом и соответственно временем. Но именно в этой сфере действие становится чистым синтезом, познание – творением, результат – желанием. Это и есть то, что мы образно назвали аутопоэзисом разумного времени как самосозидания разума в диалоге с неисчерпаемыми бытийными возможностями времени.

И в завершение отметим важный прикладной аспект развития ритмологического метода. Сегодня происходят качественные системные трансформации, которые многими аналитиками рассматриваются со знаком минус в терминах кризиса: технологическая безработица как следствие автоматизации, социальные проблемы, связанные с нестабильным положением прекариата, распад традиционных идентичностей и потеря экзистенциального смысла. Иной взгляд на ту же проблематику открывает совершенно уникальные перспективы для наращивания утерянной координаты времени. Иными словами, создаются оптимальные условия для уже осознанного и полноценного возврата человеческого и социального смысла, самооценного самого по себе безотносительно системной полезности и утилитарного использования времени. С этой точки зрения, развитие ритмологического подхода к целостному развитию человека как такового, на наш взгляд, вполне конкретно и прагматично отвечает социальному запросу современного общества.

Библиография

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер. 2008. 240 с
2. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик? М.: Московский философский фонд, 2001. 360 с.
3. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006. 528 с.
4. Лучезарнова Е.Д. Откровенное знакомство, том 3. СПб: Ритмовзлёт, 2015. 416 с.
5. Лучезарнова Е.Д. Сила переизлучения. М.: Ритм 52, 2013. 32 с.
6. Лучезарнова Е.Д. Тематический прояснитель. СПб: Ритмовзлёт, 2015. 416 с.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 476.
8. Марченко Е.Д. Ритмология неделя за неделей. СПб: Радатс, 2008. 280 с.
9. Павлов А.В. Философия культуры в постмодернизме: критический анализ. М. 2019.
10. Пелипенко А.А. Контрэволюция. М.: Издательство «Знание», 2016. 240 с
11. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
12. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
13. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с
14. Фишер М. Капиталистический реализм. Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.
15. Фонарь Диогена /Хоружий С.С. (ред.) М.: Прогресс-Традиция 2010г. 960 с.

Intelligent time autopoiesis

Elena V. Shelestyuk

Doctor of Philology,

Professor,

Department of theoretical and applied linguistics,

Chelyabinsk State University,

454001, 129, Brat'ev Kashirinykh str., Chelyabinsk, Russian Federation;

e-mail: shelestiuk@yandex.ru

Dmitrii L. Shkarin

Psychologist,
Center for development of training technologies,
620142, 61, Bol'shakova str., Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: dshkarin@mail.ru

Abstract

The article raises the debatable question about the possibilities of forming a holistic concept of modern man outside the framework of the project of a universal human subject, built in the logic of European rationality. Possible areas for finding solutions to this issue are outlined. As a starting point, the author's approach is used by D. Luchshearnova, aimed at the controlled evolutionary development of mankind by mastering the laws of time. An indicator of the specificity of substantial reading of categories of different time and time, different from the established canon, dating back to ancient roots. As a result of fundamental changes in the field of human evolution, E. D. Luchshearnova is developing a comprehensive method of self-development, which finds application in various areas of social practice: pedagogy, linguistics, psychology, medicine, business, etc. The article explicits methodological consequences arising from this concept, projected into three perspectives: sociocentric, anthropocentric and existential. It is shown how rhythmology overcomes the theoretical limitations associated with the established project of a universal human subject. At the end of the stated preferred position. Facing society in a systemic crisis.

For citation

Shelestyuk E.V., Shkarin D.L. (2020) Intelligent time autopoiesis [Autopoezis razumnogo vremeni]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (1A), pp. 77-86. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.034

Keywords

Man, third modern, modernity, substantial time, human evolution.

References

1. Bauman Z. Flowing modernity. SPb.: Peter. 2008.240 s
2. Julien F. The path to the goal: bypassing or directly? M.: Moscow Philosophical Fund, 2001.360 p.
3. Zinoviev A.A. Understanding factor. M.: Algorithm, EKSMO, 2006.528 s.
4. Luchshearnova E.D. Frank Acquaintance, Volume 3. St. Petersburg: Rhythm Take-Off, 2015.416 p.
5. Luchshearnova E.D. The power of re-radiation. M.: Rhythm 52, 2013.32 s.
6. Luchshearnova E.D. Thematic clarifier. St. Petersburg: Rhythm Take-Off, 2015.416 p.
7. Marx K. Economic manuscripts of 1857–1859 // K. Marx, F. Engels. Op. 2nd ed. T. 46. Part I. C. 476.
8. Marchenko E.D. Rhythmology week after week. St. Petersburg: Radats, 2008.280 s.
9. Pavlov A.V. The philosophy of culture in postmodernism: a critical analysis. M. 2019.
10. Pelipenko A.A. Counter-evolution. M.: Publishing house "Knowledge", 2016.240 s
11. Said E. Orientalism: Western concepts of the East. St. Petersburg: Russian World, 2006.636 p.
12. Smirnov A. V. All-human vs. universal. M.: Publishing House Jask, 2019.216 p.
13. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global capitalism: three great transformations. M.: Cultural Revolution, 2008. 608 p.
14. Fisher M. Capitalist realism. Ultraculture 2.0, 2010.144 p.
15. Lantern of Diogenes / Khoruzhiy S.S. (Ed.) M.: Progress-Tradition 2010 960 s